

A romantic couple is shown in a close embrace, lying down. The woman is on the left, wearing a light blue strapless top, with her hands clasped near her face. The man is on the right, wearing a light blue tank top, holding a small white flower near the woman's nose. The background is dark, and the overall color palette is dominated by shades of blue and teal.

Наталия Романова

Держу ТЕБЯ

Наталия Романова

Держу тебя

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69874282

Аннотация

Сергей тяжело переживает измену и уход любимой жены. Он больше не верит женщинам, избегает серьёзных отношений, не отказывая себе в мимолётных развлечениях. До тех пор, пока не встречает Машу, девушку с хорошеньким, прямо-таки кукольным личиком, не заслуживающую никакого доверия, но сводящую его с ума.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Наталия Романова

Держу тебя

Глава 1

Неделя до хренова нового года, не типичная для Питера погода, с огромными, плавно кружащимися хлопьями снега – хоть хватай телефон и скачи, как придурок, под фонарями, фотографируя мягкие переливы света, мерцание иллюминации и этот снег. В итоге Серёга всё же выскочил из плетущегося с черепашьей скоростью такси, наплевав на прекрасные виды заснеженного Петербурга, насмотрится ещё. Он опаздывал на работу. Вторую работу или первую, как посмотреть.

Работал Сергей Витальевич учителем физической культуры, попросту физруком, в школе для трудных подростков. Так себе работка, но, случайно устроившемуся пять лет назад – сразу после института – Серёге нравилось. Подростки с девиантным поведением – тоже дети, хотя порой, честное слово, проще их согнать в один товарный вагон и отправить в непроходимую тайгу. Конец четверти: присутствие Сергея Витальевича на педсовете, который, как всегда, затянулся на несколько часов, было обязательным. В итоге он опаздывал на тренировку в спортивный клуб «Русский богатырь» –

там-то он работал с шести-семилетками. Эти если и доставляли неприятности, то вызывали улыбку, а не злость. В «Русском богатыре» он тренировал со студенчества, и ещё полгода назад ничего менять не собирался. Сергей любил и работу, и клуб, и, главное, детей. Странное качество для почти тридцатилетнего мужика, но «что дадено, то дадено».

Сейчас он всё чаще задумывался об увольнении, а надо не задумываться, а уходить – всё равно куда. Детских клубов и секций по самбо много, Сергея Витальевича в любом оторвут с руками, хотя в деньгах он потеряет, и изрядно.

Верхом идиотизма было оставаться в клубе и продолжать работать на почти родственников бывшей жены. Тогда он был слишком оглушён происходящим, чтобы подумать здраво, в один день найти жильё и новую работу – тот ещё аттракцион. Он махнул рукой, теперь жалел, желание уйти посредине учебного года зрело и готово было прорваться в любой момент. Только шестилетка, недавно переступивший порог клуба, не был в курсе подробностей расставания Сергея Витальевича с Маргаритой, да таких подробностей, что хоть мексиканское мыло снимай. И как она изменяла – подло и цинично, как свалила от простого детского тренера к борцу ММА, мировой знаменитости, как он, Серёга, страдал, по одной из версий – вены себе резал, по другой – в запой ушёл.

И словно мало Сергею разговоров за спиной, Матвей Леонидович – главный тренер и, собственно, руководитель

и владелец клуба, как с цепи сорвался – забросал работой, не продохнуть. Вместо двух-трёх групп два раза в неделю, плюс индивидуальные занятия с желающими, чаще взрослыми всё-таки, не малышня, этим хватало того, что давал Серёга на тренировках, было шесть групп – а это по две в день, каждый день. Шесть групп мелочи, индивидуалы, бумажная волокита, которую никто не отменял, зимняя смена со своими гавриками на спортивной базе – где ему и наставили рога, на которые теперь любитесь весь коллектив коллег, родителей и детей, – от которой Серёга стремился отмазаться, но руководство осталось непреклонно. А главное – этот бесконечный флёр сочувствия за спиной.

Одним словом, нервы у Серёги Витальевича сдавали. Понимание, что бросить среди года шесть групп детей – так себе поступок с моральной точки зрения, уже не останавливало, тем более начальство, похоже, только этого и ждало. Как ни крути, Рита им родственница, а не он.

На тренировку он не опоздал. Провёл одну, к концу подходила вторая, ещё одно индивидуальное занятие, и он попадёт домой. Часам к одиннадцати, а может к полуночи, если решит, что пожрать-таки надо.

– Серёга Витальевич, тебя бугор вызывает.

На пороге спортивного зала спортивного клуба «Русский богатырь» нарисовался Скворцов – пятнадцатилетний подросток, учащийся школы, где преподавал физкультуру Сергей Витальевич. Сюда, в клуб, он притащил Скворцова почти

силком, взяв на слабо, в итоге тот остался, прижился и стал показывать приличные результаты. Поведение по-прежнему оставляло желать лучшего, за три года девиантное поведение на нет не сойдёт. Но принцип ориентации на позитив в поведении и характере ребёнка работал, и это давало надежду, что парень выправится. Скворцов не был безнадёжным, скорее педагогически запущенным, из неблагополучной семьи, как почти все учащиеся школы.

Сергей посмотрел на Скворцова. Что вызывает, это понятно, а на кого, спрашивается, он оставит борцов? Шестилеток ни на минуту нельзя выпустить из вида, а этих тем более. Давненько у Сергея Витальевича не было такой группы: сразу четыре гиперактивных пацана, один жуткий нытик, отец которого пытается вырастить из тихони с астеническим синдромом «мужика», и в завершение – две девочки пяти лет. Две, мать их, девочки!

Сначала Сергей не поверил в происходящее, да и как поверишь? Стоят две крошки в красных платьях в белый горошек, банты размером с голову, и смотрят синющими глазами на него, как на бога.

– Знакомьтесь, девочки, это ваш будущий тренер – Сергей Витальевич.

– Здравствуйте, – синхронно наклонив головы, ответили девочки. Они вообще почти всё делали синхронно, особенность близнецов.

– Здравствуйте. – Сергей виду не подал, что удивился.

Он деловито познакомился с будущими воспитанницами, рассказал, что именно нужно принести на тренировку, сказал время, точно зная, что эта информация забудется ещё до того, как дети отвернутся. И только когда малышки отошли в сторону за руку с няней – женщиной лет сорока, деловито записавшей необходимую информацию на тетрадный лист, повернулся к Матвею.

– Матвей Леонидович, ты охренел?

– Что такое? Славные малышки.

– Девочки, девочки, чёрт побери! Пятилетние девочки!

– Знаешь, Серёга Витальевич, это довольно очевидно. Тебя смущает, что пятилетки или что девочки?

– Второе больше первого. Отправь их к Виктору, там девочки, дзюдо, он знает, что с ними делать.

– Там двенадцатилетние девочки. Физиологически и психологически пятилетние девочки ближе к шестилетним мальчикам, чем к двенадцатилетним девочкам.

– Пфф... то есть, отмазаться не вариант?

– Нет.

– Отлично! Предлагаю набирать детей с годовалого возраста, и всех ко мне.

– Я подумаю, – Матвей заржал, Серёга Витальевич мысленно сплюнул.

В итоге две синеглазки быстро влились в мальчишеский коллектив, пацаны немного похихикали, но были ещё слишком мелкими для полноценного сексизма. К тому же дево-

чек, любых девочек, в борьбе не хватало. Их любили, на них часто ставили, девчонок с радостью забирали в сборную города, а то и страны. Конкуренция меньше, шансов больше, плюсов тренеру тоже. Речь не о пятилетках, естественно, так что Серёга Витальевич ни на одну из синеглазок не ставил, лишь перестал напрягаться от присутствия двух малышек на тренировках.

До конца тренировки оставалось пять минут. На разминке Сергей оставил бы Сковцова, тот отлично справлялся, но сейчас отрабатывали поединки – не уследит, здравствуй травма и разбор полётов. Родители и на пустом-то месте умудряются устроить скандал, а уж с причиной сам бог велел.

– Бугор – это возвышенность на ровной поверхности, – Серёга посмотрел на Сковцова. – Матвей Леонидович. Ну? – добивался он своего.

– Серёга Витальевич, тебя Матвей Леонидович вызывает.

– Красавчик. Хорошо, я понял, можешь идти.

Сковцова сдуло, тренировка закончилась, мелкие отправились в раздевалку. Кто-то справлялся сам, вокруг кого-то суеились мамки-няньки, девчонки расположились на стульях в коридоре и деловито натягивали колготки. Няни, которая обычно приводит и забирает близняшек, не было видно.

– Где ваша няня? – Сергей присел, смотря на пытящих синеглазок. С самообслуживанием у них было плохо.

– Она сказала, чтобы мы одевались и ждали её здесь, – пояснила Лиса, полное имя Алиса.

– Она вот-вот придёт, – добавила Лина – Алина.

– Тогда, до свидания.

– До свидания, – хором, синхронно наклонив головы, ответили близняшки.

Матвей сидел, уткнувшись в монитор. Не отрывая взгляда, кивнул подчинённому и небрежно махнул рукой на стул, садись, мол, в ногах правды нет.

– Список видел на зимнюю смену? – буркнул Матвей.

– Не полный, – пожал плечами Сергей.

– Вот полный, – старший тренер протянул лист. – Ознакомься.

– Ты издеваешься? – не выдержал Серёга после того, как пробежал глазами по столбикам с фамилиями. – Давай, я просто уволюсь по собственному желанию, и дело с концом!

– Успокойся.

– Да я спокоен, как жопа иеромонаха!

– И не богохульствуй. Жопу иеромонаха не трогай, – с издёвкой ответил Матвей Леонидович.

– Ладно, в жопу жопу, давай лист, чего там писать надо? На имя директора детско-юношеского спортивного клуба «Русский богатырь» Розенберга Эм Эл? Прошу уволить по собственному желанию, дата, подпись?

– Серёг, ты чего, серьёзно? Давай-ка, не кипятись, пого-

ворим спокойно.

– О чём говорить? О том, как ты выживаешь меня целенаправленно? Я вроде не мальчик, не климаксичная баба, подошёл и прямо сказал.

– Так. Год у тебя был паршивый, и я перед тобой виноват, история эта с Риткой, Олегом, но я тебя не выживаю. На кой леший выживать тебя? У меня все младшие группы на тебе держатся. Ты же им и тренер, и папа, и мама, и Дед Мороз по совместительству. Ну, хочешь, я за тебя замуж пойду, раз Ритка ушла, а? – последнее Матвей говорил смеясь. – Серёга Витальевич, отдохнуть тебе надо, в отпуск, к пампасам, девкам с мясистыми грудями – это да, а заявление твоё подписывать не стану. Ты мне как воздух нужен.

– Давай без этого, – Серёгу передёрнуло, да и задрала его ситуация с разводом и то, что, кажется, только синеглазки не в курсе «личной драмы» Сергея Витальевича. Давно надо было уйти. – Серьёзно, что в списке делают Алёшина Алина Игоревна и Алёшина Алиса Игоревна?

– Они едут на зимнюю смену с твоим отрядом.

– И что я с ними делать буду? Они девочки, де-во-чки! Это не пришли-ушли, это две недели круглосуточного пребывания на базе. Их одевать нужно, ты в курсе, что они с колготками еле справляются? Косички заплетать, мыть их, в конце концов! Они же не пацаны, голышом в душ не засунешь. Ты хочешь, чтобы под занавес мне обвинение в педофилии прилетело?

– Вот по этому поводу я и собирался с тобой говорить. Они едут с няней, так что колготки, бантики и что там ещё у девочек, тебя никак не коснётся.

– Аллилуйя! А у Алёшиных родители с головой созваниваются? Серьёзно. Я не против девочек в борьбе, я за, но эти девочки не для самбо, ты-то должен видеть. Да и отправлять пятилеток на зимнюю смену...

– Ты как, сам себе не доверяешь?

– Я здравому смыслу доверяю и проблем лишних не хочу, ни тебе, ни себе, ни клубу.

– Нормальные там родители, отец-то точно нормальный мужик. Вот мама... в общем, муж всё время на работе, деньги есть, внимания нет, начала пить, дети побоку. Когда девочек сюда привели, дома совсем плохо стало, отец их в частный сад пристроил, вечерами на дополнительные занятия, чтобы мать меньше видели. А они ни в какую: рисовать не хотим, танцевать не хотим. Согласились на борьбу, в общем. Мать, в итоге, лечиться отправили. На новый год она как раз приезжает, в семейном кругу, реабилитация... Только отец там не полон оптимизма, не верит, так что хочет после нового года детей отправить куда-нибудь, а сам решать будет, что дальше. Попросил взять на базу...

– Логичней было бы оставить, мать всё-таки, – Серёга пожал плечами.

За время работы с девиантными подростками, каких только судеб не встречал. Пороки взрослого мира перемалывают

маленьких людей, ломают без шанса на нормальную, здоровую жизнь.

– Решать не нам. Так, знакомиться с няней будешь? А то она уже минут двадцать под дверью сидит.

– Давай.

В кабинет вошла девушка... Серёга внимательно посмотрел на зашедшую и уставился на Матвея Леонидовича, стремясь прожечь в его лбу дыру. Мало ему двух пятилеток, он ещё одну решил подсунуть. Сколько ей лет, этой «няне»? Пятнадцать-то хоть есть?

Светлые волосы с одной стороны головы задорно торчали, с другой падали мягкой чёлкой на лоб, прикрывая ухо. Асимметрия. Глазища под стёклами хипстеровских очков светло-голубые, как льдинки. Одежда размеров на пять больше, любимый многими девушками кинг-сайз. Рукава объёмного свитера грубой вязки с косами закатаны, а сам свитер заканчивается у колен, из-под него торчат широкие штаны, и венчают это стильное безобразие ботинки на платформе. Красотка! У него каждая вторая ученица примерно так выглядит.

– Мария Константиновна Шульгина, – представил Матвей зашедшую, предпочтя проигнорировать убийственный взгляд Серёги. – Няня Алёшиных и ваша, Сергей Витальевич, правая рука в бытовых вопросах зимней смены.

– Маша, – маленькая ладошка, протянутая Серёге, ввела его в неожиданный ступор.

– И сколько же Машеньке годиков? – произнёс он с максимальным ехидством, нагнувшись под рост «няни», рассматривая хорошенькое, прямо-таки кукольное личико с немного капризным изгибом пухлых, чертовски соблазнительных губ.

Тьфу! Маша – подросток. Подросток, ребёнок, такой же, как сестрёнки Алёшины.

А отец у близняшек всё же форменный идиот...

– Машеньке двадцать пять годиков, – с такой же интонацией вернула глазастая. – Машенька много болела в детстве и не выросла, но это намного лучше, чем не поумнеть, Сергей Витальевич.

Глава 2

Дети были распределены по вагону так, чтобы старшие присматривали за младшими, плюс взрослые, на десять детей – один взрослый сопровождающий, ехать можно. Добираться до места почти двое суток, под стук колёс и бесконечный детский гомон время пролетало незаметно – только сел, а первые сутки на исходе. Старшие ещё не спали, собравшись компаниями по интересам и возрасту, а младшие дрыхли без задних ног, уставшие от шквала впечатлений и предвкушения новых.

– Давай за Новый год? – негромко спросил Марат, устроившись напротив Серёги, через стол в купе. Нехитрая закуска – сырокопчёная колбаса, сыр, хлеб, солёные огурцы – красовалась на столе на одноразовых подложках из супермаркета.

– Не, дети, доберёмся до места – отметим.

– Мы чуть, – Марат показал бутылку коньяка. – Дядька привёз, отличная вещь.

Сергей не стал уточнять, какой именно дядька, родственников у Марата было несчётное количество, и все ближайшие, даже если считались седьмой водой на киселе.

– Ладно, – Серёга махнул рукой, напиваться он не собирался, никогда не злоупотреблял, а от пятидесяти грамм в голове не зашумит.

Под перестук колёс хорошо разговаривать. Спать не хотелось совсем, оставаться один на один со своими мыслями, пялиться в серую полку плацкарта, нависающую над верхней – спал Сергей всегда на верхней, – тем более.

– Как новый год встретил? – поинтересовался Марат. – С этой, Оленькой?

– Оленькой, Оленькой, – отмахнулся Сергей, давая понять, что беседовать на эту тему не желает.

– И как она? – Марат сделал вид, что намёка не понял.

– Оленька и Оленька, – пожал плечами и отвернулся Сергей.

Что он мог сказать про Оленьку? Двадцать семь лет, не замужем, куда стремится изо всех сил. Почему-то решила, что Серёга – отличный вариант, хотя он повода-то не давал, несколько раз встретились, переспали – вот и все «отношения». И Новый год он не хотел с ней встречать, в голове женщины – это уже знак, символ серьёзных отношений, намёк на «долго и счастливо», как минимум, и поход в ЗАГС, как максимум. Думал поехать домой, к родным, сестра как раз в ноябре пацана родила, а он в глаза ещё племянника не видел, но выслушав очередную гневную тираду от матери, передумал.

Мать понять можно: её ребёнка, хоть и двадцативосьмилетнего лба, обидели, она никак не могла успокоиться, раз за разом распинаясь на тему: «А я тебе говорила!» и «Мать надо слушать!». Говорила, она говорила, а он не слу-

шал. По глубокому убеждению матери, Рита – молоденькая, часто истеричная, в придачу с приплюснутой на всю голову мамашей, не подходила её сокровищу – Серёженьке. Сокровищу же было начхать на слова родительницы, ему Маргарита подходила по всем статьям, только вышло, что он ей не подошёл.

Ну и правильно. Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше. Значит там, с другим, Ритке лучше. Он даже злиться толком на бывшую не мог, хотел, а не мог. На кого была злость, так на Олега – тоже бывшего, бывшего друга. Интересно, он хотя бы примерно представлял, куда вписывался и насколько Ритка непростой человек? Серёга сомневался, но не вести же с ним беседы, в самом деле.

– У тебя серьёзно с ней?

– С кем? – опешил Сергей, выдернутый из собственных мыслей.

– С Оленькой.

– Да ну на... – Серёга усмехнулся. – Я ещё не развёлся даже, ближайшие лет пять никакого «серьёзно», – он скривился.

– Кстати, ты знаешь, что Красава приезжал?

Красава – Олег Евсеев, бывший друг, мировая, мать его, знаменитость, стараниями которого и отсвечивает Серёга Витальевич рогами на весь белый свет, вызывая сочувствие и шлейф говёных шепотков за спиной.

– Откуда мне знать? – Серёга притворялся равнодушным,

гася, хотя бы снаружи, гнев. Никому не интересны его эмоции, остаётся только тупо смотреть в темноту за окном, равнодушно кивать головой и делать вид, что его это никаким боком не касается. – Ты-то откуда знаешь?

Бывший друг появился в город, где живёт бывшая жена – с кем не бывает. Ах да, девяносто девять процентов, что примчался он ко всё ещё официальной жене Серёги Витальевича и трахал её под ёлочкой. Романтика, мать её.

– В инсте мелькали фотки из Пулково, – и, наконец, кажется, врубившись, что собеседнику неприятна тема, Марат сменил её: – Так как Оленька?

– Никак, – Серёга пожал плечами. – Не огонь, – он равнодушно пожал плечами: – С её техникой минета вполне логично обойтись пуховиком, – почти процитировал ходившее в интернете стихотворение.

– Другую найдёшь, – загоготал Марат. – Тебе и искать не надо, сами на тебя вешаются. Счастливый сукин сын! Сколько тебе надо времени, чтобы завалить бабу?

– Я не засекал.

– Ладно, не засекал, новая твоя «ученица» как быстро опрокинулась на лопатки?

– Которая? – равнодушно уточнил Серёга, прекрасно понимая, о ком говорит Марат.

Поведение женщин, честно говоря, вымораживало. Лет в двадцать Серёге Витальевичу это нравилось, он беззастенчиво пользовался своей внешностью, природным обая-

нием, харизмой – или что там бабы в нём находили? – а сейчас это тупо надоело. Они приходили на индивидуальные занятия, кажется, с единственной целью – трахнуть красавчика тренера. Наверняка его координаты передавались из уст в уста дамочками, страдающими от недолюбви, они заявлялись в клуб и просили индивидуалы именно с Сергеем Витальевичем. Начальство ржало, но с серьёзной миной записывало, и у Серёги появлялась очередная поклонница.

Одно время после развода он пользовался ситуацией, вроде «тряхнул стариной», но быстро надоело, наверное, поэтому и появилась Оленька. С ней он познакомился случайно, помог донести сумку до квартиры. Оленька оказалась соседкой, жила двумя этажами выше, и сама инициативы не проявляла. Хоть какое-то разнообразие.

– Та, знойная брюнеточка.

– Хочешь, тебе отдам?

– Не-не. Ты у нас куртизанка на полставки, ко мне прутся прыщавые подростки да перепуганные дебилами-одноклассниками девчонки.

В это время мимо прошла Мария Константиновна Шульгина. Няня Алёшиных, её место было в первом купе, с синеглазками. Она действительно помогала Серёге, всё у неё получалось споро, с младшими детьми она находила общий язык феноменально, могла бы составить конкуренцию даже Сергею Витальевичу, была бы мужчиной и тренером.

Не мудрено, на поверку Мария Константиновна оказалась

учительницей начальных классов, в педагогический поступила явно по призванию, работа ей откровенно нравилась, чего она не скрывала и не стеснялась. В этом она была близка Сергею, где-то даже вызывала уважение. Хорошенькие девушки где угодно хотят работать, но не в школе, что, в общем, понять можно и даже нужно. Сколько зарабатывает молодой специалист? Слёзы! А женщине и выглядеть хочется пристойно, и есть-пить надо, да и квартирный вопрос, как правило, у молодых стоит остро.

На этом их взаимопонимание заканчивалось. Мария Константиновна смотрела на Сергея Витальевича волчком. В общем-то, он её тоже не особо жаловал. Общались они только по делу, исключительно на «вы», даже в отсутствие детей, и старались это самое общение минимизировать.

Мария Константиновна была одета в широкую, бесформенную футболку с надписью «Русский богатырь» и огромные тренировочные штаны. Худенькие руки смотрелись ещё худее под необъятными рукавами. Выбор размера футболок был, клуб, как ни крути, детский, и Мария Константиновна запросто могла взять одежду по размеру, но она напялила едва ли не пятьдесят второй на свой, дай бог, сороковой.

Крошечная и близорукая. То, что она ни черта не видит без своих огромных очков, стало ясно довольно скоро. Когда Мария Константиновна по какой-то причине снимала очки, она становилась до ужаса трогательной. Серёга сам не знал, почему в этот момент умилялся этой малявке, но факт оста-

вался фактом – он почему-то иррационально млеет, когда нянька Алёшиных беспомощно щурилась, пытаясь разглядеть хотя бы собственный нос.

– Как тебе? – шёпотом, заговорщицки, спросил Марат, глядя вслед Марии Константиновне, ведущей в конец вагона одну из синеглазок.

– Никак, – а что тут скажешь?

Действительно «никак». Личико хорошенькое, улыбка трогательная, прямо Настенька из «Морозко», фигурка... а вот хрен знает, какая там фигурка под этим безразмерным шмотьём. Да и не присматривался Сергей, если откровенно, чаще на мордашку миленькую смотрел, когда она не видит, а в целом сторонился. Волчонок, а не Мария... Константиновна.

– Я бы вдул, – заметил Марат как-то отстранённо, Серёга поморщился. Вдувальщик херов. – Только её уже отец Алёшиных шпилит.

– Сестричек Алёшиных? – зачем-то уточнил Сергей, скорее всего от неожиданности, будто есть ещё какие-то Алёшины в их клубе. – Тоже в инсте фоточки запостили? – добавил он с иронией. – Всё-то ты знаешь, прямо бабка на лавочке, все сплетни собираешь.

– Не в инсте, – отмахнулся Марат. – Он на родительском собрании был, – Серёга кивнул, был отец синеглазок, нормальный мужик, как оказалось. Долго беседовал с тренером, расспрашивал, что и как. Было видно, что не по душе ему

такое решение, но сестрички – на редкость упрямые особы – отказались куда-либо ехать, даже от предложенного Диснейленда, всё с той же няней, отказались. – Ты остался в клубе тогда, а я вместе с Марией этой вышел, она в машину к отцу Алёшиных села.

– И? Она на него работает, может, до метро подвозил. Обязательно везде говно видеть?

– А дверь машины он ей открыл, руку подал, придержал, только что не поимел тут же, на стоянке, потому что она на него работает, эдакий бонус от работодателя, – сально ухмыльнулся Марат.

– Отлично, – всё, чем прокомментировал Сергей Витальевич новые сведения.

Обратно прошла Мария Константиновна, придерживая полусонную Лису за плечики, Серёга посмотрел вслед девушке. Любовница... Что его поразило больше, что этот миленький одуванчик – любовница женатого мужика с двумя детьми и нефиговыми проблемами в семье, или сам факт, что она живёт половой жизнью, он не смог бы ответить даже себе.

Глава 3

Половина смены минула, обходилось без эксцессов, всё шло в рабочем режиме. По расписанию было две тренировки в день, Сергей Витальевич отменил одну. Городская малышня настолько ошалела от чистого снега, горок, зимних развлечений, что ни о каких тренировках слышать не хотела. Он мог бы пристрожить, всё-таки база спортивная, он тренер, а гаврики – какие-никакие, а спортсмены, но по устоявшейся традиции зимних смен плюнул. Перспективные – те, у кого очевидный потенциал и перспектива будущего, – честно отработывали в зале, а основная масса отрывалась, строя снежных баб и крепости.

Самбо когда-то, в далёкие советские времена, о которых сам Сергей Витальевич имел смутное представление, занимались дети с двенадцати лет, теперь едва ли не с шести, а то и с пяти, если посмотреть на синеглазок. Нормативы эти были придуманы не зря, и, несмотря на изменившийся подход, Серёга ставил во главе угла здоровье и благополучие маленьких подопечных, а не будущие спортивные успехи.

Жилой корпус отряда был благоустроенным, с комнатами на четыре человека, холлом, где проходили общие собрания и отрядные мероприятия, душевыми кабинами, уборными, умывальными, просторными сушилками для зимних смен и дождливой погоды летом. Были там и комнаты для персо-

нала. В одной из них и устроился Сергей Витальевич.

На спортивной базе стоял корпус для служащих, постоянных и временных. У Сергея Витальевича была там отдельная, благоустроенная комната. Но он до сих пор отлично помнил, как после отъезда Риты дорабатывал смены летом, как лез тогда на стены, и собственное желание удавиться к чертям, только бы не видеть всего этого. Кровать, на которой она спала, стул, где висело её платье.

Летом его держал на плаву самообман, добровольное неверие в произошедшее – мало ли, что люди говорят, – и вера в то, что всё наладится, такая же глупая, как малодушное желание проигнорировать правду, с которой он не сможет смириться никогда в жизни. А сейчас, зимой, бросив сумку посередине комнаты, Сергей почувствовал удушающую волну отчаяния, как тогда, полгода назад. И, не желая возвращаться в прошлое, решил жить в корпусе с отрядом. Суетно, в отсутствии иллюзии свободного времени, но значительно лучше, чем один на один со своими мыслями.

Режим дня соблюдался младшим отрядом неукоснительно, никаких поблажек и исключений не было и быть не могло. Ровно в девять вечера все были намыты, одеты в пижамы и сидели кружком в холле, слушая, как читала Мария Константиновна. Через приоткрытую дверь Сергею тоже был слышен приятный, размеренный голос няни Алёшиных, и частично видно девушку. Она сидела всегда на одном и том же месте, возвышаясь над малышней, подвернув ноги

в позе лотоса, и держала книгу на комфортном для её глаз расстоянии, время от времени облизывая губы. Чертовски милая в этот момент и соблазнительная.

То, что Сергея по какой-то неясной причине не на шутку заводи́ла Мария Константиновна, пришлось признать себе едва ли не на второй день почти совместного проживания. Комнатка Серёги была в торце короткого коридора, как раз рядом с палатой, где разместились синеглазки с няней. Помещение воспитателей находилось с обратной стороны корпуса.

Как правило, Маша ходила в безразмерных оде́жках, под которыми никак нельзя было заподозрить женскую фигуру. Серёге же и подозрений не нужно было, его вставляло от одного взгляда на крошку в неизменных балахонах, и от этого он чувствовал себя едва ли не извращенцем. Озабоченным извращенцем. Голодным озабоченным извращенцем.

Он, конечно, никогда не был амёбой, сексуальный аппетит для своего возраста у него был здоровый. Обычный максимум, после которого начинало «зудеть» – неделя. Только на базу он отправился вполне удовлетворённым, а одного вида растерянной мордашки Марии Константиновны хватало для стояка.

Чёрт знает что!

Но дело вовсе не в одежде, не в непрезентабельном внешнем виде Маши, дело в знании, что она любовница отца синеглазок. Понимание этого факта отталкивало Сергея на-

столько, что порой приходилось прикладывать силы, чтобы не нагрубить при детях, не облить словами, как помоями, ввинтить обидные слова в позвоночный столб до физической боли.

Серёга не терпел адюльтеров, при всём разгульном образе жизни, который он вёл до женитьбы и после развода, он не терпел супружеских измен в любых проявлениях. Откуда росли ноги у этого неприятия, он и сам бы не ответил, скорее всего, из детства. Его отец был категоричным, прямо-таки образцово-показательным семьянином, таким, что даже у жены порой сводило зубы. А тут ещё сын уродился на редкость смазливый, как картинка. «Скурвится», – кривился отец, выговаривая матери раз за разом из-за успехов подрастающего парня у противоположного пола. Может, страх «скурвиться» подспудно сидел в Серёге, а может, ещё какая хрень, но адюльтеры вызывали в нём стойкую брезгливость.

Святым он не был даже в браке, глаза оставались при нём, и мыслишки о других женщинах, не жене, проскакивали с завидной регулярностью. Но дальше, чем мысленно облапать, он не двинулся ни разу, даже когда бабё вешалось без экивоков. Хотеть – хотел, а руки держал при себе, не говоря уже о другом органе. Понятие «мысленная измена», скорее всего, для Серёги Витальевича была слишком абстрактной, чтобы всерьёз задумываться об этом. Достаточно того, что он не трахал никого на стороне, хоть и имел почти неиссякае-

мые возможности для этого.

Понимание того, что Маша трахается с женатым мужем, вызывало внутренний протест такой силы, что он предпочитал свести общение к минимуму, а факт того, что она, при всём при этом, не по-детски его заводит, и вовсе бесил. И свалилась же на его голову эта нянька, будто ему мало своих проблем и внутренних чертей.

Мелкие, дослушав очередной рассказ из уст Марии Константиновны, отправлялись спать. Медленно, неохотно, они шлёпали в свои палаты, иногда ныряя в чужие, в надежде, что никто из взрослых не засечёт.

– Егор, ты забыл, где спишь? – Сергей вышел из комнаты и встал в конце коридора, операясь плечом о стену. – Топай, топай, – показал он рукой на дверь палаты Егора, семилетнего толстячка-весельчака. На редкость позитивный мальчишка, радуется даже когда проигрывает, а проигрывает он почти всегда.

– Тёмыч, иди-ка сюда, – он подозвал переминающегося с ноги на ногу раздурманившегося на свежем воздухе Тёмку, в городе тот был почти синюшного цвета. – В туалет хочешь? – он присел под рост ребёнка и посмотрел внимательно на хмурящегося пацана.

– Нет.

– А ты всё равно сходи, – тренер показал рукой на дверь уборной. Малышня порой впадала в такой экстаз от жизни на спортивной базе, что забывала есть, пить, а то и сбегать

по нужде. Спортсмены, что и говорить!

Мимо пробежали сестрички в одинаковых розовых пижамах с жирафами, жующими ромашки, синхронно пожелали Сергею Витальевичу спокойной ночи и, держась за руки, заскочили в палату. Девочкам Сергей Витальевич не напоминал ничего, ни сбегать в туалет, ни про банный день. Во-первых, у них была няня, а во-вторых, предпочитал держаться подальше от подобных вопросов с синеглазками.

Хватило одного раза, тогда он едва не пришиб Марию эту, Константиновну. По приезду был объявлен «банный день» – название громкое, в каждом корпусе были душевые кабины для детей и отдельная для персонала. Старшие справлялись сами. Особо протестующих юных борцов иногда воспитатели или тренеры заталкивали в душ силой и стояли над душой, пока нигилист не отмоеет как следует пятки и задницу.

А с мелкими процесс пришлось систематизировать. Включать и настраивать воду, запускать по три гаврика, следить, чтобы мочалками ёрзали по телу, а не по кафелю. Серёга Витальевич с радостью свалил бы эту тягомотную обязанность на воспитателей, но на эти должности стабильно шли женщины, как и всякого рода добровольные помощники от родителей – неизменно были мамочки, бабушки, теперь вот няня. А спортсмены – всё-таки мужики, им не пристало голышом перед чужими мамками бегать (пока не забывались, конечно). Так что роль банщика отводилась Серёге, иногда помогал Марат.

Первыми пропустили дам – сестричек Алёшиных с няней за руки. Втроём они боязливо покосились на окружающее мужское царство, но в душевую зашли и плотно закрыли за собой дверь. Что они там делали, Серёга не знал, но сорок минут намывать двух шестилеток – слишком долго, да и вода имеет свойство заканчиваться.

Он несколько раз постучал, а потом заглянул, отгоняя любопытную малышню от двери. Гаврики уже строили предположения, одно занятнее другого, куда подевалась Мария Константиновна и сестрички. Самой популярной была версия похищения инопланетянами, самой здоровой – «девчонки вечно моются по три часа!», а самой не ходовой, но не дававшей покоя Серёге – утонули. Утонуть не утонули, конечно, но мало ли. Сорвало кран с кипятком или удар током, пол провалился, в конце концов. Корпус хоть и новый, но всё возможно. Юридическую ответственность за детей нёс он, а не нянька.

На деревянных скамейках, укутанные в полотенца, стояли сестрички, а Мария, мать её, Константиновна, ползала на карачках, растопырившись, как пьяный краб, и шарила руками по полу. Длинный махровый балахон, надёжно скрывающий тело девушки, волочился следом.

– Маш? – в первое мгновение он почему-то растерялся, не понял, что нянька попросту потеряла очки, а сестричек поставила наверх на случай, если линзы разбились. Лишь когда она подпрыгнула, близоруко уставившись на него, беспо-

мощно щурясь, капризно сжимая пухлые губы, он сообразил в чём дело.

– Мы устали тут стоять! – заявили синеглазки.

Сергей отодвинул Машу, подхватил сестричек на руки и быстро отнёс в палату, усаживая рядышком на кровать, машинально одев каждую в заранее приготовленный махровый халатик. Не оставлять же укутанных во влажные полотенца. В корпусе не холодно, но и не жарко, на фоне акклиматизации заболеть – как нечего делать. Потом он вернулся в душевую – Маша так и стояла, почти не шелохнувшись, как крот на свету, – нашёл её выпавшие очки и широким жестом выпустил возмущённую девушку.

А позже он выслушал такого, что только чудо, да присутствующий рядом Марат не дали придушить звезданутую няньку Алёшиных. В каких только наклонностях она его не обвинила! Как же, не должен он был переодевать девочек! Будто у девчонок сопли из носа наутро не потекут, если в сухое не закутать после душа.

И самое абсурдное было в том, что выговаривала, нет, вывизгивала ему не кто-нибудь, а педагог по образованию. Пришлось рявкнуть на бесноватую, а пока она хлопала близоруками глазами, выскочить на свежий воздух, где кружились кипенные хлопья снега и мирно оседали на уже заснеженную гладь.

Только покурив, он, наконец, успокоился и вернулся в полутёмный корпус. Дети спали без задних ног, свет горел

у воспитателей, а в холле, понутив голову, сидела нянька-фурья.

– Сергей Витальевич, я бы хотела извиниться, – быстро проговорила Мария Константиновна, когда он проходил мимо, бросив мельком взгляд на сгорбленную маленькую фигурку.

– Извиняйтесь, – он всё ещё был зол. По-хорошему, подобный «конфликт» тянул на серьёзное служебное разбирательство. У него были все причины отказаться от работы с синеглазками, потребовать отселить их с безумной нянькой в другой корпус.

– Я прошу прощения за своё поведение. Я вовсе не думаю, что у вас есть такие склонности...

– Какие «такие»?

– Я не думаю, что вы педофил.

– Пойду обоссусь от счастья, – прошипел Серёга Витальевич.

– Поймите, я вовсе не хотела вас оскорблять и говорить всё это.

– Но сказали и оскорбили, – Сергей развёл руками, разглядывая Машу. Вот же чёрт, ему бы отчитать её на правах старшего, представителя клуба, официального лица, поставить на место эту маленькую любовницу женатого мужика, изображающую из себя святошу, а он разглядывает хорошенькое личико, почти любит её им.

– Просто... Сергей Витальевич, понимаете, я немного пу-

гаюсь, когда оказываюсь без очков, — на пухлую верхнюю губу скатилась слезинка, как же Серёге захотелось её слизать. — А когда паникую, я... знаю, это недопустимо! Я буду стараться, честное слово!

— Постарайтесь, — Серёжа с трудом понимал, что лепечет девушка.

Господи, да что же такое, а?! Вместо того, чтобы уйти, закруглив разговор, он стоял и представлял, какого вкуса пухлые губы, чем пахнет кожа за маленьким ухом, какая грудь скрыта под жуткой футболкой. Тогда у него мелькнула мысль — Марат напутал, какая из этой пигалицы любовница отца синеглазок... Позже он случайно услышал разговор няни с работодателем, она произносила «Игорь» тоном, не оставляющим сомнений в близости.

Сергей Витальевич ретировался. Стоять с эрекцией в штанах перед оправдывающейся девчонкой с умильной, зарёванной мордашкой — действительно, пахло сексуальной девиацией. И больше к синеглазкам лишний раз не приближался, как и к их няньке.

Глава 4

Спал Сергей плохо, в городе помогала усталость, порой женщины, а на спортивной базе наваливалось свободное время после десяти вечера, когда сна ни в одном глазу, как и усталости. Да и с женщинами было негусто, вернее, как ни странно, с желанием. Новогодние каникулы благоволили, рядом со спортивным лагерем стояла база отдыха, в это время полно дамочек, охочих до развлечений. Марат не церемонился, находил приключения на половой орган и не парился. Серёге бы последовать его примеру, но случайные женщины осточертели.

Он всерьёз задумался об Оленьке. Внешне приятная, милостивая, подтянутая, не идеал, но для своих двадцати семи лет – отлично выглядит. Работает каким-то менеджером, не то закупок, не то продаж. Квартира есть, кстати. Серёге решить квартирный вопрос ещё предстояло, если получится. Пока он снимал однушку на первом этаже Васильевского острова с окнами в зелёный двор-колодец, осенью там на клумбах цвели астры, пахнущие остро-горько. Оленька всерьёз хотела замуж и детей, что немаловажно.

Любви между ними не было... А есть она, эта любовь? Одни разговоры, а по факту – сплошь распущенность. Серёга уже проходил любовь, может, не так любил, может, не ту, только отходняк от этой «любви» длится уже полгода, а по-

следствия ещё разгребать и разгребать.

Такое впечатление, что он чудес ждал от жены, свершений, незаурядной внешности или профессионального роста. Его, по большому счёту, даже хозяйственные навыки не волновали, если чего-то не умела – научиться, а нет – пережить можно. Всё, что ему нужно было – семья, обычная такая, без новомодных причуд. Он. Она. Ребёнок. Хорошо бы двое, но нужно на финансы смотреть, дети – дорогое удовольствие, и не трава, чтобы расти самим по себе.

Чтобы жена его встречала с работы, или он её, как получится. По выходным в парк выбираться или на природу, в зоопарк с детьми, в цирк, можно регулярно получать от благоверной за компьютерные игрушки или за то, что не купил хлеб. Жить, купить дачу, поставить баню, мангал, собирать осенью грибы, ходить на рыбалку. Видеть, как не молодеет жена, и всё равно любить её, потому что она с ним, а он с ней. Простые желания, примитивные. Вот такой он примитивный человек – Серёга Витальевич! А все эти «люблю», «не люблю» ... что с ними делать? На хрен наматывать?

Поворочавшись с боку на бок, он скинул одеяло, оделся и пошёл на улицу. В лагере круглосуточно горели фонари, не заблудишься. С соседней базы отдыха доносилась музыка, ароматы жареного мяса, слышался звонкий женский смех. Если посмотреть в сторону горной реки – темень. Туда и направился Сергей. Хотелось прочистить мозги, вытря-

сти из души осевшую муть сожалений, успокоить сердце, которое с новой силой отказывалось принимать эту реальность.

Спортивная база есть. Серёга есть. А Ритки ни у базы, ни у Сергея нет. И ведь понимал, что правильно, что так намного лучше. Это всё равно бы случилось, взорвалось рано или поздно, не таким образом, так другим, слишком простой был Серёжа для ой, какой мудрёной Маргариты, всё понимал, а сердце заставить забыть не мог. Казалось, всё улеглось, считал, его беспокоит только флёр слухов за спиной, но нет – стоило вернуться в исходную позицию, как осадок всколыхнулся и застил Сергею глаза.

Прошлявшись несколько часов, замёрзнув, – а погода стояла минусовая, с пронизывающим ветром с ледников на вершинах гор, – Сергей вернулся в корпус. Тусклый свет был включен в холле, не попадая в комнаты, где спала малышня, а если выскочит какой-нибудь гаврик, не заблудится в темноте. Они умудрялись и заблудиться, и разреветься, и испугаться. Правильно Матвей шутил, что Сергей Витальевич мелким и мама, и папа, и Дед Мороз, ещё и Зубная фея в придачу.

Он повесил куртку на крючок, скинул обувь и пошёл на цыпочках к себе в комнату. Было почти три часа ночи, спать не хотелось, но надежда на сон маячила. Сергей долго стоял на холодном, сыром ветру с реки, замёрз, так что имелся шанс провалиться в сон, как только начнёт отогреваться.

Сбоку, в помещении с рядом умывальников, у окна стояла Маша. О том, что это именно она, Сергей догадался, а не узнал её. Короткие шорты с кружевом от середины ягодиц едва прикрывали упругую попку соблазнительной формы. Топик в тон к шортам привычно широкий, но короткий – одно плечо оголено, широкая горловина спускается почти к локтю, открывая не только часть руки и спины, но и подчёркивая изящную шею. Сергею не слишком нравились короткие волосы у женщины, но Маше шло, даже с затылка.

И ноги. Сергей впервые увидел ноги Марии... Константиновны. Не длинные, с её росточком неоткуда было взяться длинным ногам, при этом на удивление стройные, прямо-таки точёные. С продолговатыми, красиво сформированными икрами, тонкими щиколотками, идеальной формы бёдрами. Девочка оказалась чудо, какая ладненькая, хоть и крошечная, конечно.

Маша резко обернулась и близоруко уставилась в проём двери. Сергей не знал, что именно она видит, но его она точно не видела. Мордашка была растерянная, даже испуганная, но рот не кривился в извечном капризном изгибе, она не сжимала недовольно губы, не фырчала, выражая, в лучшем случае, молчаливое пренебрежение. Лишь топталась растерянно на месте, а потом сделала неуверенный шаг вперёд. Сергею вспомнилось – Маша пугалась, когда оказывалась без очков, он не мог представить, насколько неуверенно она себя чувствовала, лишаясь возможности чётко ви-

дочь.

– Маша, – он сделал шаг вперёд, смотря, как расширяются глаза девушки. Тусклый, мерцающий свет не смог сделать их тёмными, на Сергея смотрели светло-голубые, как льдинки, радужки глаз. – Мария Константиновна, я вас за руку сейчас возьму, не пугайтесь, хорошо?

– Сергей Витальевич? Зачем за руку? – она неуверенно сморщилась, сделавшись настолько умильной, что Серёга не отказал себе в широкой улыбке.

До чего хорошенькая, растерянная, сладкая. Поднять бы сейчас это худенькое, ладное тельце, впиться губами в пухлый рот, донести двумя шагами в свою комнату, закинуть на кровать, вдавить в пружинистый матрас и отлюбить до чёрных точек в глазах.

– Провожу в комнату, вы почему без очков выскочили?

– Телефон зазвонил, испугалась девочек разбудить, не сообразила...

– Понятно, – Сергей кивнул головой, будто собеседница могла его видеть, и подошёл вплотную к няне Алёшиных. Ближе, чем следует.

Маша распахнула глаза и в упор рассматривала Сергея. Кажется, она его видела, взгляд её метался от глаз к губам и обратно, щёки заливались очаровательным румянцем, а уши стали и вовсе красными.

Он дотронулся кончиками пальцев до нежной кожи запястья девушки и вздрогнул, как от удара током, нахмурился,

не веря себе. Простое прикосновение, невинное, а желание прошибло с такой силой, что стоило огромного труда не дёрнуть Машу на себя. Что за сумасшествие, в самом деле? Что в этой Марии свет Константиновне такого, что Серёгу сносит, как подростка при просмотре порнофильма? Ну, хорошенькая, миленькая мордашка, ну, беспомощный взгляд, ну, пухлые губы. Ноги стройные, аккуратные колени, грудь и вовсе небольшая, ничего выдающегося – фигурка ладная, пропорциональная, но точно сходить с ума не с чего. Сергей же сходил, слышал собственное грохочущее сердцебиение, глубокое дыхание, беснующийся бег крови, и только жалкими остатками разума останавливал себя от неосторожного шага.

Маша попала в затруднительное положение, нужно быть последней свиньёй, чтобы наброситься сейчас на девушку. Как-то не вовремя пришло воспоминание, что этот Аленький Цветочек с растерянной мордашкой спит с женатым мужчиной, и вряд ли она не понимает, что делает, и насколько это мерзко на самом деле. Серёгу передёрнуло ещё сильнее, чем до этого. Такой стремительной смены настроения он не чувствовал с подросткового возраста, да и в ту пору ничего подобного не помнил.

В итоге, кое-как собрав по крупницам собственную стойкость, он по-дружески приобнял Марию Константиновну и подвёл её к дверям палаты, подумав, открыл дверь и помог дойти до кровати, на тумбочке рядом с которой и лежа-

ли очки. Устроив оправу на носу, Маша расправила плечи и поблагодарила Сергея Витальевича.

– Не за что, – Сергей постарался доброжелательно улыбнуться и вышел.

«И как это прикажешь понимать?» – спрашивал он себя, смотря в потолок в сумраке ночи, и ответа не находил. Сергей, естественно, хотел переспать с Машей, несмотря на острое неприятие – хотел. Отрицать этот факт было бы глупо, стояк в собственных трусах красноречиво указал бы на очевидное.

Сергей Витальевич прекрасно знал, что он чувствует, когда хочет просто трахнуть, даже когда не просто, а с какими-никакими намерениями. Просто переспать он хотел с Оленькой, от делать нечего, и потому, что нужно было спустить пар. С Людой, одной из своих похотливых «учениц», он даже замораживаться со свиданием не стал, отымел в тренерской. С последним «подарком», подsunутым начальством, сочной брюнеткой, Сергей хотел покувыркаться, просто отказался от этой мысли, надоел эшелон озабоченных баб, но хотеть – хотел. Он не святой, не импотент, к тому же, свободен от обязательств.

Реакция на Марию Константиновну Сергею была непривычна, ему определённо было мало потенциального секса с ней, и так же определённо не нужно ничего большего, а по большому счёту, и секс с ней не нужен тоже. У Сергея была Оленька, может быть, через год он сделает ей предложение,

они поженятся, будут жить долго и счастливо. Какая разница — с кем, если с той, которую Сергей любил, не сложилось, а с той, что вытряхивает из него душу одним своим умильным видом, он не желает иметь ничего общего.

Глава 5

На Рождество устроили празднование. Старшим передвинули время отбоя, уже по традиции пригласили девочек из соседней спортивной базы, устроена «дискотека», на которой отрывались по большей части тренеры и воспитатели, приглядывая одним глазом за подопечными. Совсем взрослых, а была и парочка совершеннолетних в старшем отряде, отпустили до утра, а малышне были вызваны аниматоры, занимавшие гавриков с обеда и до отбоя. К вечеру младший отряд не держался на ногах, многие уснули ещё до отбоя, а те, кто не спали, сидели тихо, не в силах бурно выражать восторг от праздника.

Тёмка перегулял, переутомился, совсем по-младенчески раскапризничался. Сергею Витальевичу пришлось усадить горе-спортсмена к себе на колени и читать Рождественские рассказы – книга лежала в холле на столе, именно её вслух читала Мария Константиновна. Поступок, который не мог себе позволить тренер – выделить одного ребёнка, даже один раз. Но какой выбор? Или отправить Тёмку бороться со своим состоянием самостоятельно, надеяться, что шестилетка «включит мужика», по итогу устроив среди ночи рёв, перепугав остальных гавриков, или уложить спать под бубнёж доброй сказки.

Нарисовался Марат, он зашёл тихо, зная, что если сорвёт

отбой, Сергей Витальевич оторвёт ему уши, это в лучшем случае. На цыпочках прокрался в холл, увидел Сергея, сидящего на стуле, бубнящего сказку, и сонного Тёмку, остановился, взмахнул бутылками коньяка и шампанского и вопрошающе уставился на Серёгу.

– Тебе своих пора рожать, – вполголоса проговорил Марат, когда Сергей вернулся из палаты Тёмки, уложив его в кровать. Пацан вырубился, пушкой не поднимешь.

– Ага, я буду папой, а ты мамой, – Сергей ухмыльнулся.

– Пьющая мать – горе семье, – тут же известил Марат. – Давай Рождество отметим по-людски?

– Ты ж мусульманин, – Серёга отметил вероисповедание Марата для проформы, иронично. Марат был таким же мусульманином, как он сам православным.

– От всего сердца, брат, – нарочитый акцент и поднятый вверх указательный палец выглядели смешно. – Лучше найди закусон и позови своих.

Под «своими» Марат подразумевал воспитателей – двух дам предпенсионного возраста, выполняющих свои обязанности строго согласно должностной инструкции, и Марию Константиновну, взявшую на себя функцию воспитателя, завхоза, аниматора, мамы и папы. Дед Мороз и Зубная фея по-прежнему были прерогативой Сергея Витальевича.

Закуска организовалась сообща и быстро, у кого что было, то к столу и вынесли. Коллектив, немного уставший от самого проблемного отряда, был рад предложению Марата

и торопился начать праздник. Воспитатели потирали руки и самозабвенно нарезали сало и солёные огурцы – прекрасная закуска для коньяка и шампанского. Сергей Витальевич поставил несколько коробок конфет «ассорти», сладкое он не любил, а родители дарили. Смущающаяся Маша сказала, что у неё только пряники, что было встречено на ура. Чем ещё закусывать шампанское с коньяком, как не Ленинградскими пряниками с мятой.

Воспитательницы раздухарились, рассказывали анекдоты, порой на грани приличия, а то и за гранью. Марат охотно поддерживал беседу, подливая дамам, Сергей больше молчал и почти не прикладывался к рюмке. Алкоголь он употреблял редко, а на базе тем более. Дышать на детей перегаром Сергей Витальевич не мог себе позволить, так что после символических трёх рюмок остановился, Марат его отношение к алкоголю знал и не навязывался.

Мария Константиновна ограничилась фужером шампанского, прикладывалась больше к шоколадным конфетам, жуя сладости с таким забавным выражением лица, что у Сергея никак не получалось не смотреть.

– А что же вы, мальчики, не женитесь? – пьяно спросила одна из воспитательниц. Персонал был временный, набранный на время зимней смены, об официальном семейном положении Сергея Витальевича не знали.

– Успеется, – засмеялся Марат. – Молодые ещё! Да, Серёг?

– Куда спешить, – Сергей поддержал приятеля, действительно, куда спешить, он даже не развёлся ещё.

– Что за молодёжь пошла, – одна из дам, уже в изрядном подпитии, осуждающе покачала головой. – Что парни, что девочки – одни гулянки на уме, никакой ответственности. Вот в наше время... – затянула было воспитательница, но была перебита Сергеем:

– По поводу времени и ответственности, а не пора ли спать? – он выразительно посмотрел на дам. Завтра, с утра им общаться с детьми, а они заглатывали рюмку за рюмкой, как прораб на стройке. Про себя Сергей Витальевич сделал отметку поговорить с Матвеем, временные сотрудники или нет, репутация у спортивного клуба безупречная, неприятности никому не нужны.

– Пора, – Марат охотно поддержал коллегу, начал сгребать со стола грязную посуду.

Дамы засуетились, чудом не разбили тарелку. Серёга не выдержал, зыркнул так, что обеих как кошка языком слизала. Ещё и эта напасть на голову, он чуть не сплюнул сгоряча. Проколы с персоналом случались не часто, и почти никогда в младшем отряде. С одной стороны, осталась всего неделя, а с другой – лишняя головная боль, пусть начальство переводит дамочек к средним или старшим, или отправляет восвояси. Настолько заправски заглатывать могут только зависимые люди, по итогам, Марат на их фоне выглядел трезвенником, к тому же ему с детьми общаться только после

обеда, в отряде круглые сутки, как Сергею, торчать не нужно.

– Ну, что, продолжим у тебя? – хитро улыбнувшись, тихо спросил Марат, когда Маша подхватила посуду и отправилась мыть.

– Настроения нет, – Сергей поморщился.

– Ты такой напряжённый, расслабься, – приятель похлопал Сергея по лицу. – Посидим нормально, поговорим, а вообще, секс тебе нужен, а то уже на людей бросаешься.

– Свои услуги, что ли, предлагаешь? – Серёга засмеялся в голос, не выдержал.

– Предлагаю позвать Машу Константиновну и...

– Что «и»? – Сергей уставился на Марата, прикидывая, успеет он ему проломить череп до того, как его голову постигнет та же участь.

– Э, эй! Тебе точно нужно потрахаться, – Марат поднял руки, как в поражении. – Позвать Машу Константиновну, а я слиняю в нужный момент. А хочешь, пойдём со мной на базу, у моей мадам шикарная подружка, не пожалеешь. Серьёзно, ты психованный стал не на шутку, особенно последнюю неделю.

– Благодетель нашёлся, – сквозь зубы проговорил Сергей, еле сдерживая откуда-то взявшуюся злость.

– Да что с тобой, в самом деле? – Марат нахмурился. – Пошли, – он подтолкнул Серёгу к двери в его комнатку. – Пошли, пошли, психолог я дерьмовый, но выслушать могу,

а хочешь, нажрись, я завтра за тебя отработаю. На тебя смотреть страшно, а ты вообще-то с мелочью работаешь, начнёшь на детях срываться – уволят раньше, чем поймёшь, как оказался на улице.

– Маша, – Марат толкнул Серёгу в комнату, а сам остановился у умывальни, где девушка домывала посуду, – давай-те, помогу, – он ловко выхватил тарелки и понёс в комнату к Сергею, кивнув головой девушке, показывая, куда идти.

– А вот и мы, – провозгласил Марат, ставя мокрые тарелки на край стола. – Проходите, Маша, продолжим праздник.

– Но?... – Мария Константиновна покосилась на Сергея Витальевича, который только что зубами не скрипел и огонь из ноздрей не пускал, а на что злился или на кого – даже себе ответить не мог. Может, и правда, сходить на базу, спустить пар с шикарной подружкой Маратовой мадам.

– Не обращайтесь внимания, – снисходительно ответил Марат. – Давайте ещё шампанского? С пряничком? Или вот, огурец остался солёный, тоже вкусно.

– Пикантно, – Маша улыбнулась, Серёга чуть не взорвался. Улыбается она! Какого дьявола Мария Константиновна улыбается всем, а на него смотрит волком, кривит пухленькие губы, отводит глаза, а то и фырчит как кошка. На любовника своего пусть так смотрит!

– Ничего пикантного в алкогольном опьянении при детях нет, Мария Константиновна, – Сергей уставился на Машу. – Машеньке уже достаточно годиков, чтобы понимать

это. Или Машенька не только не выросла, но и не поумнела?

– Послушайте, Сергей Витальевич, я понимаю, что Дарья Семёновна, – так звали одну из воспитательниц, – перебрала и задала неудобный вопрос, но вы не...

– Какой ещё вопрос? – Сергей в недоумении устался на Машу свет Аленький Цветочек. Удавил бы. Удавил в объятьях. Удавил, а потом отымел так, чтобы сутки ходить не могла. Глаза льдистые распахнула, ресницами хлопает, губы сжимает, видно, что злится, Чижик-Пыжик в женском воплощении.

– Про женитьбу. Это было некорректно с её стороны, но вы должны понимать, она ничего такого не имела в виду.

Сергей смотрел на Машу и чувствовал, что земля уходит из-под ног, физически, он даже покачнулся. Отлично, уже и нянька синеглазок натирает его рога. Может быть, стоит сесть в кружок и поговорить об этом, пусть посочувствуют всласть, посмеются, удовлетворят раз и навсегда свою потребность лезть в чужую жизнь.

– Вы хотите обсудить мой брак? – Сергей медленно закрыл глаза, понимая, что ещё один взгляд на розовую от волнения Машу, и он за себя не ручается. Или взорвётся, или изнасилуется... Как в его большую голову пришла подобная мысль?

– Я хочу сказать, Дарья Семёновна не виновата, что в нашей стране такое законодательство. И, если это имеет значение, лично я против однополых браков. Семья – это мужчи-

на и женщина, мама и папа, а не два папы.

– Чего-чего? – Серёга потряс головой.

Что там эта звезданутая Настенька из «Морозко» несёт? Температура у дамочки? Объелась шоколада, повысился сахар в крови, как следствие – когнитивное нарушение?

– Вы же гомосексуалист? – Машенька смутилась, покраснела, но взгляд не отвела.

– Беги, дядь Маш, – проговорил Марат со смехом, хватаясь за живот, покатываясь, только что хрюкать не начал.

– А ты, значит, против однополых браков? – Сергей нагнулся под рост Маши, лицом к лицу, настолько близко, что почувствовал запах шоколадных конфет, смесь ароматов шампуня, геля, духов и крема. Уникальный, совершенно особенный запах.

– Против, – Маша окончательно смутилась, но стояла на своём. Она против.

– И как же в наш маленький ЛГБТ-кружок занесло такую хорошенькую гомофобочку? – процедил Сергей сквозь зубы. Если бы взглядом можно было прожигать, Маша бы уже сгорела. Он провёл рукой по коротким волосам девушки, с той стороны, где на затылке топорщился ёжик. Отросшие волосы были мягкие-мягкие, а короткие покрыты лаком. – В дружном лесбийском коллективе ты за мальчика или девочку? – глаза у Маши распахнулись, рот приоткрылся хорошенькой, пухленькой буквой «о». – Дай угадаю, – Сергей растянул губы в улыбке. – За девочку, такая сладенькая фэмочка, сам бы

сьел, но увы, Машенька не по этой части.

– Серёга, прекращай, – Марат продолжал ржать, уткнувшись лицом в подушку. – Доведёшь фэмочку, а у вас дети. Девочка и девочка!

– Вы не гей? – красное от смущения личико Аленького Цветочка, гомофобки и ретроградки, стало бледным, она медленно пятилась к двери спиной, тогда как Сергей наступал на девушку, нависая сверху, давя своим ростом и массой, отчего крохотная Маша становилась ещё меньше.

– Я. Не. Гей! – прошипел Сергей, ввинчивая слова в сознание Маши, ввинчивая с болью, не считаясь с её растерянностью и неловкостью. – Не гей, не педофил, не некрофил, не акротомофил, не любой другой фил, никакими известными науке парафилиями и перверсиями не страдаю, меня даже групповой секс не очень-то заводит. Представить страшно, я настолько скучный человек, что предпочитаю трахаться по старинке. С женщиной. Без плетей и дилдо в заднице, – последние слова он буквально выдохнул в Машу. Она зажмурилась, как от сильной боли, губы виновато скривились, дыхание стало частым, будто девушка изо всех сил старалась не заплакать. Сергея не интересовало душевное состояние Марии Константиновны. Он сосредоточился на том, чтобы, ударив по двери, не съездить девчонке по лицу.

Дверь от удара с грохотом открылась, и Сергей пулей выскочил на улицу, как был, в футболке и лёгких тренировочных штанах, в резиновых шлёпках на босу ногу. Он стоял,

смотрел в небо и не чувствовал холода.

Как же его задрало всё происходящее в его грёбаной жизни. Каким образом у родителей с самой заурядной внешностью родился он, Аполлон, мать твою, Бельведерский? Сергея не единожды принимали за гея, сейчас реже, он изрядно раздался в плечах, в движениях появилась резкость, постепенно исчезала кукольная миловидность. В юности же, начиная с подросткового возраста, внешность была бичом Сергея. Проклятием.

Он на борьбу пришёл только из-за внешности, чтобы доказать окружающим, что он не гей, что мужик. Позже, уже на последнем курсе института, став мастером спорта, чемпионом Северо-Запада, а потом России, решил уйти из спорта. Ему нравилось то, чем он занимался последнюю пару лет, совмещать же тренерскую работу, учительскую и интенсивные тренировки сложно, да и путь этот, с Серёгиными данными, по большому счёту, в никуда. Была открыта дорога в М1, но Сергей выбрал тренерскую стезю. Выбрал сознательно, и это было то единственное, о чём он не жалел никогда в жизни.

Став постарше, Сергей понял – у его внешности масса преимуществ. Бабы слетались, как осы на сироп, кружили вокруг, жужжали, мелькали перед глазами, и сейчас мало что изменилось. В молодости девчонки молчаливо жаждали его внимания, а сейчас женщины предлагали прямым текстом, ничуть не стесняясь собственных желаний. Когда у Серёги

было настроение – он брал.

Но и такие эксцессы случались. «Вы, батенька, педераст-с». Хоть стой, хоть падай, хоть морду себе гуталином мажь, чтобы фольклорных Настенок не смущать ликом слащавым. Обриться что ли, срезать кудри под ноль, и дело с концом, череп, кстати, у него не идеальной формы.

К такой длине волос его приучила бывшая жена, ей нравилось. Рита постоянно повторяла: «Не слушай идиотов», он и не слушал. Когда кудри мешали, собирал их в хвост, в остальное время ходил так... Доходился до гомофобских высказываний от сопли в очках.

– На, – появился Марат, протянул Сергею куртку и сигареты. – Перепугал Марию Константиновну, что теперь делать будешь?

– Предлагаешь доказать ей, что я злостный натурал? – Сергей горько усмехнулся.

– Ладно, не злись на девчонку, я тоже тебя за сладенького принял, когда в клуб пришёл.

– Заебись.

– Это недолго длилось, тем же вечером ты какую-то девчонку уволок в тренерскую, – Марат засмеялся и выпустил струйку дыма, потом пустил в темноту два колечка. – Бросил курить, называется. Пойдёшь со мной? – он показал взглядом на базу отдыха.

– Нет, – Сергей сморщился, улыбаться, прикладывать даже минимальные усилия, чтобы в итоге получить сомнитель-

ную радость переспать с незнакомой женщиной, он не хотел.

– Чем займёшься?

– Пойду, предамся маленьким гейским радостям, – Сергей усмехнулся. – Дилдо в задницу вставлю.

– Маше вставь, – Марат засмеялся, как самой весёлой шутке.

Глава 6

В корпусе было темно и тихо. Мария свет Константиновна, ожидаемо спряталась в своей комнате. Сергей упал на кровать и уставился на дверь, будто ждал, что сейчас там материализуется Маша или Фея Динь-Динь, или ещё какая-нибудь сказочная хрень.

Спать не хотелось, идти на улицу тоже. Сколько человек может прожить без сна, без последствий для психики? Кажется, Сергей начинал сходить с ума, всё наваливалось одновременно и некстати. На людях начал срываться, на Машу наорал. Что нового произошло? Ничего. Такие недалёкие «Маши» встречались часто. Понять их логику Сергей не пытался, отмахивался, хоть и злился. А вот на няньку Алёшиных не получалось махнуть рукой.

Принципиальная жизненная позиция у девчонки. Даже вызывало уважение, что не побоялась в лоб озвучить её потенциальному гею, по факту – мужику в два раза больше и бог знает во сколько раз сильнее. Лучше бы она такую принципиальность проявляла со своим любовником. Геи как-нибудь справятся без её советов, а вот то, что она спит с женатым мужиком с нефиговыми проблемами в семье, с двумя малолетними детьми – отвратно. Будь последовательна Мария Константиновна Шульгина. Семья – это мама и папа, а не папа, мать-алкоголичка и любовница – оду-

ванчик.

Курил Сергей мало. Когда только начал встречаться с Ритой, бросил – она не переносила табачный дым и алкоголь. Сорвался после расставания, теперь покуривал время от времени, немного, крайне редко днём, на работе в клубе – тем более. Чаше ночами, сидя на кухне снимаемой однушки, уткнувшись взглядом в окно. В последнее время тяга усилилась. Он курил максимум час назад, стоя рядом с Маратом, и захотел снова. Какая-то болезненная склонность к саморазрушению... Жениться на Оленьке, что ли...

Он снова ходил к реке. Зимой очертания высокого, скалистого противоположного берега не менялись, лишь деревья стояли голые, разрезая пространство корявыми, чернеющими силуэтами. Со стороны лагеря подход пологий, есть природный пляж из мелкой речной гальки и с большими валунами на косе, сейчас спрятанными под слоем снега.

Серёга закрыл глаза, покачнулся, мысленно с мазохистским удовольствием возвращаясь в лето, в итоге развернулся и быстро пошёл к корпусу. Приходит конец любым страданиям, он больше не хотел переживать. Что было, то было. Не исправить, не вернуть, главное – он не испытывал ни малейшего желания второй раз заходить в реку. Его прошлая жизнь – голые деревья, чернеющими силуэтами разрезающие жизнь на прошлое и настоящее, а будущее приложится.

В холле, сгорбившись, сидела Мария Константиновна. Она вскинулась, как только зашёл Сергей, нервно поправила

очки на носу и резко встала.

– Сергей Витальевич, где вы были? Я волновалась...
Вы же в сторону реки пошли, там, я слышала, опасно.

– Топиться ходил, – зло усмехнулся Сергей.

– Мне необходимо извиниться, – Маша вздохнула.

– Не утруждайтесь, не вы первая, не вы последняя, – он махнул рукой и направился в свою комнату. – А впрочем, ответьте мне на вопрос, Мария... Константиновна.

Она промолчала, смотря в пол, маленькие уши горели огнём, нога в широких трикотажных пижамных штанах нервно дёрнулась, одна ладонь вцепилась в другую.

– В чём логика? Почему я – гей, а, скажем, Марат – нет.

– Вы... красивый.

– Отлично. То есть, по вашему мнению, гомосексуалисты сплошь красавцы, а натуралы – страшилко из народных сказок? Не бывает толстых геев, старых, страшных? А голливудские красавчики, так обожаемые женщинами, не единожды женатые и замеченные во множестве гетеросексуальных романов – миф? Они сплошняком геи? Если я завтра обреюсь наголо и суну лицо в угли, я перестану быть педиком, мгновенно поменяв ориентацию?

– Пффф... – всё, что услышал Сергей в ответ.

– А знаешь, что самое смешное, Мария Константиновна?

– Что? – раздался шёпот, настолько тихий, что Сергей едва расслышал.

– То, что я в любой момент мог завалить тебя, – и он

не врал, мог.

Сухая выжимка из жизненного опыта – он мог. Мог сделать это до первого родительского собрания, даже соби-
рался. Остановило, как ни странно, то, насколько Мария
Константиновна хорошенькая. Смотреть на неё, любовать-
ся умильным личиком, мимикой, от которой волей-неволей
улыбаешься – настолько острое, ни с чем не сравнимое удо-
вольствие, что Сергей не хотел менять его на банальный секс,
пусть и желал её до чертей в глазах. Мог переспать с ней
в поезде, быстро и бурно, под перестук колёс. Мог и позже,
уже на базе, но предпочитал наблюдать со стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.